

Институт российской истории  
Российской академии наук

---

# Раздвигая научные горизонты...

Сборник статей памяти  
доктора исторических наук П.Н. Зырянова  
(к 80-летию со дня рождения)

Москва  
2023

УДК 94(47)  
ББК

Ответственный редактор:  
доктор исторических наук  
*Л. В. Мельникова*

Рецензенты:  
*доктор исторических наук, профессор В. Н. Захаров*  
*доктор исторических наук П. Ю. Савельев*

*Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории  
Российской академии наук*

**Раздвигая научные горизонты...** Сборник статей памяти доктора исторических наук П. Н. Зырянова (к 80-летию со дня рождения) / [отв. ред. Л. В. Мельникова] ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — М. : Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-8055-0423-6

Сборник посвящен памяти выдающегося российского ученого, историка, историографа, источниковеда и архивоведа, доктора исторических наук Павла Николаевича Зырянова (1943–2007). Он подготовлен по материалам «Круглого стола» памяти П. Н. Зырянова, состоявшегося в Институте российской истории РАН 14 марта 2023 г. и приуроченного к 80-летию со дня рождения ученого. В книгу включены воспоминания о П. Н. Зырянове его родных и друзей, а также статьи по различным аспектам политической, социальной и духовной истории Российской империи XIX — начала XX в., представляющие тот широкий спектр научных интересов, который был присущ П. Н. Зырянову: крестьянская община, столыпинская аграрная реформа, историческая биография (жизнедеятельность П. А. Столыпина и А. В. Колчака), история Русской Церкви и российских монастырей, местное самоуправление и др.

На обложке портрет П. Н. Зырянова кисти челябинского художника  
С. Л. Черкашина. 1987 г.

ISBN 978-5-8055-0423-6

© Коллектив авторов, 2023  
© Институт российской истории РАН, 2023

# Содержание

*Мельникова Л. В.*

|                                                                  |   |
|------------------------------------------------------------------|---|
| Павел Николаевич Зырянов в исторической науке<br>и в жизни ..... | 7 |
|------------------------------------------------------------------|---|

## Воспоминания

*Алексеев А. К.*

|                                                                   |    |
|-------------------------------------------------------------------|----|
| «Дядя Павлик»:<br>воспоминания о П. Н. Зырянове и его семье ..... | 29 |
|-------------------------------------------------------------------|----|

*Шелохаев В. В.*

|                               |    |
|-------------------------------|----|
| Перебирая узелки памяти ..... | 36 |
|-------------------------------|----|

*Дурновцев В. И.*

|                                       |    |
|---------------------------------------|----|
| Однажды, жарким летом 1962 года ..... | 41 |
|---------------------------------------|----|

## Статьи

*Кондрашин В. В.*

|                                                                                                              |    |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Актуальность исследований П. Н. Зырянова о крестьянской<br>общине в современной аграрной историографии ..... | 51 |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|

*Бабашкин В. В.*

|                                                              |    |
|--------------------------------------------------------------|----|
| Крестьянская община:<br>от недооценки к переосмыслению ..... | 66 |
|--------------------------------------------------------------|----|

*Кабытов П. С.*

|                                                                               |    |
|-------------------------------------------------------------------------------|----|
| Последний русский реформатор П. А. Столыпин в оценках<br>П. Н. Зырянова ..... | 84 |
|-------------------------------------------------------------------------------|----|

*Булдаков В. П.*

|                                        |    |
|----------------------------------------|----|
| Адмирал Колчак: реалии и вымысел ..... | 96 |
|----------------------------------------|----|

*Иванова Н. А.*

|                                                                                  |     |
|----------------------------------------------------------------------------------|-----|
| «Атаманщина». Общественное движение в России<br>в понимании П. Н. Зырянова ..... | 114 |
|----------------------------------------------------------------------------------|-----|

*Волобуев О. В.*

|                                                                                                                                 |     |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Имперостроительство на окраинах дореформенной России:<br>генерал-губернаторы М. С. Воронцов и Н. Н. Муравьев-<br>Амурский ..... | 131 |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

*Белякова Е. В.*

|                                                                                                                |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Русская Церковь между революциями 1905 г. и 1917 г.:<br>к проблеме разрушения традиционной религиозности ..... | 161 |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

|                                                                                                                                            |     |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Емченко Е. Б.</i>                                                                                                                       |     |
| Уставы и дисциплинарные правила женских монастырей<br>и общин в Синодальный период .....                                                   | 177 |
| <i>Бѣлхова М. И.</i>                                                                                                                       |     |
| Захоронения в монастырях: положения Студийского<br>устава и русская практика .....                                                         | 188 |
| <i>Шилов Д. Н.</i>                                                                                                                         |     |
| Материалы к «Русскому провинциальному некрополю»<br>как источник сведений о духовенстве .....                                              | 198 |
| <i>Сухова О. А.</i>                                                                                                                        |     |
| «Мир — велик человек»: общинный архетип в условиях<br>эмансипации российского крестьянства<br>(вторая половина XIX — начало XX века) ..... | 217 |
| <i>Соловьев К. А.</i>                                                                                                                      |     |
| П. А. Столыпин и октябристы: конфликты<br>и взаимодействие .....                                                                           | 228 |
| <i>Хайлова Н. Б.</i>                                                                                                                       |     |
| Столыпинская аграрная реформа: к вопросу<br>об иностранном опыте .....                                                                     | 243 |
| <i>Омельянчук И. В.</i>                                                                                                                    |     |
| Оценка деятельности П. А. Столыпина на страницах<br>правой газеты «Русское знамя» .....                                                    | 267 |
| <i>Рогожина А. С.</i>                                                                                                                      |     |
| Проблема эффективности местного управления<br>в продовольственном обеспечении российской<br>пореформенной деревни .....                    | 285 |
| <i>Минаков А. С.</i>                                                                                                                       |     |
| Губернаторы в начале XX в.: проблема эффективности<br>управленческих решений .....                                                         | 297 |
| <i>Плех О. А.</i>                                                                                                                          |     |
| Бюрократия в сословной структуре российского общества<br>последней четверти XVIII — первой половины XIX в. ....                            | 313 |
| <i>Иванов А. Е.</i>                                                                                                                        |     |
| Высшая школа России в 1917 году: между двумя<br>революциями .....                                                                          | 331 |
| <i>Бугай Н. Ф.</i>                                                                                                                         |     |
| Проблема пограничного фактора в условиях современной<br>России: реалии и востребованность изучения .....                                   | 338 |
| Сведения об авторах .....                                                                                                                  | 350 |

Сухова О.А.

## «Мир – велик человек»: общинный архетип в условиях эмансипации российского крестьянства (вторая половина XIX – начало XX века)<sup>1</sup>

**М**етодологический плюрализм 1990-х гг. и антропологизация исторической науки предопределили стремительный рост интереса к феномену общины, как источнику, проецирующему соответствующие установки сознания на цивилизационный уровень. С легкой руки Л.В. Даниловой закрепляется концепт «общинного архетипа», возникшего из общности солидарного этоса и эгалитаризма и сформировавшего собой базовую составляющую общественного строя России на всем протяжении ее истории<sup>2</sup>. В современной историографии проблемы очевидна концептуализация ряда исследовательских стратегий, в числе которых следует выделить три наиболее значимых: прежде всего, анализ общины как индикатора цивилизационной матрицы, включающий широкий спектр оценок от сожаления о судьбе российского крестьянства и конституирования общинного мироустройства до гневной отповеди дикости и косности последнего<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–18–20015, <https://rscf.ru/project/22–18–20015/>

Russian Science Foundation, сокращенное наименование – RSF. Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22–18–20015/>

<sup>2</sup> Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 59–60, 308.

<sup>3</sup> Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Безгин В.Б. Сход в повседневности русского села конца XIX в. (на материалах Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. № 1. С. 205–212; Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000; и др.

Более точной дефиницией третьего подхода известного востоковеда и теоретика общины Л.Б. Алаева является институционально-интегративная модель социального взаимодействия, эволюционирующая в зависимости от изменения исторических условий<sup>4</sup>. Одним из аргументов автора выступает констатация утилитарного проявления «природного коллективизма», «общинности» великороссов. Так, по его словам, в Сибири переселенцы руководствовались не мирской солидарностью, а индивидуализмом захватного права, а о передельной практике вспоминали лишь при угрозе малоземелья<sup>5</sup>. Тем самым, демократизм и эгалитаризм общины объясняются «не мистическим “общинным духом”, а отчаянным положением, в которое деревня попадает»<sup>6</sup>.

И все же при анализе поведенческих стратегий российского крестьянства вплоть до начала 1930-х гг. исследователи отмечают укорененность, устойчивость родового сознания, восходящего в исторической ретроспективе к кровнородственным отношениям и объясняющего восприятие «чужаков»<sup>7</sup>. В этих условиях община предстает как некий социальный организм, в котором каждая отдельная личность теряет свою уникальность, обособленность, самооценку в обмен на приобретение ощущения «завершенности», принадлежности к более большой и значительной, а, значит, и более сильной сущности, чем она сама, сущности, отличающейся качественно иными, более совершенными системными характеристиками. Со всей очевидностью это проявилось в крестьянском движении весной 1861 г., когда, в частности, крестьяне села Покровское Пензенской губернии совершили нападение на местного священника с требованием предъявить им подлинный манифест об освобождении: «Убьем, зарежем, задушим, *мир — велик человек* (курсив наш. — О.С.), ты с барина подарки взял, в людях пришла воля, а у нас нет, врешь»<sup>8</sup>. Данный императив крестьянского созна-

<sup>4</sup> Алаев Л.Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М., 2016.

<sup>5</sup> Алаев Л.Б. Чем была «Русская община» и что такое «русская общинность» // История и современность. 2014. № 2. С. 50.

<sup>6</sup> Алаев Л.Б. Сельские земельные соседские общины: логика vs история // ВОСТОК (ORIENS). 2020. № 4. С. 122.

<sup>7</sup> Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII — начало XXI века. М., 2005. С. 145.

<sup>8</sup> Крестьянское движение в России в 1857—1861 гг. М., 1963. С. 419.

ния рассматривается как одна из характерных особенностей социальной психологии, как средство достижения высшего идеала<sup>9</sup>.

Современные исследователи акцентируют свое внимание, прежде всего, на росте социального абсентеизма в российской деревне в конце XIX — начале XX в., отмечая снижение интереса крестьян к участию в сходах, что используется в качестве аргумента общей девальвации общинных ценностей<sup>10</sup>. Действительно, в конце XIX в. в сообщениях корреспондентов МВД из Пензенской и Саратовской губерний фиксируется, что крестьяне посещали сходы «лениво», с неохотой. В случае неявки время проведения схода могло быть перенесено на другой срок не один и не два раза, до тех пор, пока сам староста не отправлялся урезонивать общинников («гнать» их на сход)<sup>11</sup>. В то же время из материалов «Записок...» корреспондентов МВД явствует, что крестьяне неохотно посещали сход в том случае, если на нем предполагалось обсуждение вопроса о недоимках («если с них чего-нибудь будут требовать»), а также в воскресные дни и страдную пору. Если же сход созывался «в пользу крестьян» («объявлялась какая-нибудь “милость”», обсуждались вопросы о найме пастуха, выборах сельского и церковного старосты и т.д.), крестьяне принимали в нем самое деятельное участие в силу общей заинтересованности в решении мирских дел или в предвкушении «угощения» (выборы сельской администрации без выпивки, как правило, не обходились: «предполагался магарыч» по завершению схода)<sup>12</sup>.

В материалах фонда В.К. Плеве, относящихся к 1890-м гг., имеются также указания на существование определенных различий между сельским и так называемым селенным сходом, то есть неформальным собранием в рамках каждой общины, в функции которого административное назначение не входило. Здесь решались исключительно вопросы хозяйственной практики, более того, ос-

---

<sup>9</sup> Именно коллективизм и равенство в смысле основы понятия о справедливости, как сущностные характеристики корпоративной этики крестьянства, рассматриваются в работе К. Качоровского. См.: Качоровский К. Народное право. М., 1906. С. 214–222.

<sup>10</sup> См., например: Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). С. 48–49; Тюкавкин В.Г. Велikorусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 179.

<sup>11</sup> Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 119. Л. 9а.

<sup>12</sup> ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 115. Л. 19, 39.

нованием для рассмотрения мирских дел выступали «местные обычаи и предания»<sup>13</sup>.

По мере углубления социально-политического кризиса в империи институты мирского управления приобретали прежнее значение в жизни сельского социума. Очевидно, что при отсутствии серьезных вызовов извне, угрожавших безопасности локального сообщества, корпоративное начало проявлялось слабо, но по мере роста социальной конфликтности обращение к традициям «коллективного общежития» стало неизбежным. Эту особенность общинной рефлексии в свое время отметил А.А. Преображенский, проследив эволюцию мирской организации в XVI–XVIII вв. и импульсы проявления солидарности в период социальных конфликтов на примере крестьянства Западной Сибири и Урала<sup>14</sup>.

Подробный анализ трансформации мирских функций под воздействием реформационных преобразований представлен в монографии П.Н. Зырянова<sup>15</sup>. По мнению автора, особенно разрушительными для патриархального нравственного идеала были последствия девальвации судебно-правового поля. Так, по словам П.Н. Зырянова, общинные «советы стариков» при семейных разделах занимали сторону старших. «Младшие» в этом случае обращались в волостной суд, который решал дело в их пользу на основе действовавшего законодательства<sup>16</sup>. Кроме того, сложные общины должны были иметь только общий сход, сходы в каждом селении не были регламентированы законодательством. Менялся и половозрастной состав сельских сходов, он становился более пестрым, увеличивалась его численность. П.Н. Зырянов отмечает, что в составе «совета стариков» могли оказаться семнадцатилетний юноша, вдова и т.д.<sup>17</sup>

Таким образом, реактуализация исторической памяти о стратегиях выживания в условиях кризиса относится к концу XIX в., когда крестьянство Черноземного центра осознало последствия либеральной модернизации России. «Оживление общины» (как про-

<sup>13</sup> ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 134. Л. 2–4.

<sup>14</sup> Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. М., 1972. С. 360.

<sup>15</sup> Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992.

<sup>16</sup> Там же. С. 31.

<sup>17</sup> Там же. С. 32.

явление заинтересованности в земельном поравнении) на переломе веков современники связывали с ростом масштабов крестьянского землепользования, «вздорожания земли», а также роста численности населения<sup>18</sup>.

Рассуждая об интенсивности уравнильно-передельной функции общины, К. Качоровский отмечает, что за период с 1870 г. по 1900 г. число общин с потребительными системами разверстки увеличилось в Саратовской губернии с 15 (0,6%) до 1062 (41,3%), а количество «мертвых» или «почти мертвых» (то есть с видимым отсутствием передельной практики) снизилось с 1635 (63,6%) до 864 (33,6%). Примечательно, что подобные тенденции были в большей степени характерны для поселений государственных крестьян, отличавшихся более заметными темпами демографического роста<sup>19</sup>. В этот период сокращается число конфликтов во время проведения общинных переделов. Если первоначально отмечались случаи противодействия отдельных домохозяев: противники ложились под сохи, не давали пахать, жаловались начальству, в некоторых случаях не обходилось и без отчаянных драк и даже убийства, то при последующих переделах факты сопротивления сначала становятся единичными, а затем и вовсе исчезают<sup>20</sup>.

В монографии П.Н. Зырянова тезис о жизнеспособности и гибкости общины получил дополнительную аргументацию<sup>21</sup>. По мнению выдающегося знатока русской общины, в первые два десятилетия после реформы 1861 г. в Черноземном центре передельная практика почти совсем прекратилась, в 1880-х гг. переделы стали учащаться, захватывая все новые губернии и новые категории крестьян, а на рубеже веков достигли своего апогея. По мнению автора, столь мощное движение за переделы в 1890-х гг. вызвали три основные причины, последовавшие за мировым сельскохозяйственным кризисом: земельное утеснение, рост арендных цен, распад больших патриархальных семей и рост социальных конфликтов<sup>22</sup>. События начала XX века: революция, отмена выкупных платежей и, наконец, столыпинская аграрная реформа — вызыва-

---

<sup>18</sup> Качоровский К. Крестьянская община в Саратовской губернии // Русское богатство. 1901. № 11. С. 138–139.

<sup>19</sup> Там же. С. 122–123.

<sup>20</sup> Там же. С. 131–132.

<sup>21</sup> Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. С. 226.

<sup>22</sup> Там же. С. 51.

ют значительное уменьшение переделов. Однако автор не склонен соглашаться с мнением ряда исследователей, оценивающих состояние общины в новых условиях как «анабиоз» или «летаргию». Он признает уменьшение передельной активности общины, но лишь частично связывает это с внутренними процессами, протекавшими в общине, относя к основным причинам замедления переделов, прежде всего, правительственную политику и отсутствие сильных неурожаев<sup>23</sup>.

Некоторые итоги длительным спорам об общине попытался подвести В.Г. Тюкавкин. Свои выводы автор основывает на официальных данных, а также материалах фонда Земского отдела МВД, введенных в научный оборот А.М. Анфимовым и А.П. Корелиным, свидетельствовавших об отсутствии передельной практики в более чем 58% общин в 40 губерниях России<sup>24</sup>. Это позволило автору утвердительно ответить на вопрос о том, была ли столыпинская аграрная реформа подготовлена отказом многих общин от переделов. Тормозящее влияние поземельных прав общины представлено в работе в качестве аксиомы, причем, в том числе, и в интерпретации самих крестьян. Проблема переделов является, по мнению автора, первоочередной при рассмотрении хозяйственно-распорядительной функции общины, и, в конечном итоге, превращается в своего рода обвинительный вердикт, не оставляющий общинному мироустройству ни единого шанса на существование<sup>25</sup>. По мнению автора, по 26 губерниям Европейской России доля беспередельных общин составляла 61,5%. При этом следует учесть разницу потенциалов. Скажем, в Ярославской губернии этот показатель достигал 87%, в то время как в Пензенской и Саратовской губерниях не превышал 28%<sup>26</sup>.

Материалы, поступившие в адрес Вольного экономического общества (далее — ВЭО) из Пензенской губернии, свидетельствуют о глубинной укорененности концепта общины в крестьянском сознании. Так, из 78 корреспондентов по Пензенской губернии за общину высказались 31, за подворье (личную собственность) —

<sup>23</sup> Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. С. 176, 192.

<sup>24</sup> Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. С. 171–173.

<sup>25</sup> Там же. С. 176.

<sup>26</sup> Там же. С. 173.

17 человек. Защитники общины считали общинное хозяйство выгодным, прежде всего, ввиду малоземелья (12 показаний), из-за необходимости иметь общинный выгон для скота (6 показаний), а также потому, что при общине возможны земельные переделы<sup>27</sup>.

Спорным вопросом является, на наш взгляд, и нивелировка значения земли и хозяйства (а, стало быть, общины) как факторов второстепенного уровня при определении уникальности образа жизни российского крестьянства по сравнению «с деревней, с деревенской жизнью, с деревенским укладом всей жизни»<sup>28</sup>.

Обращение к социально-психологическим аспектам проблемы носит далеко не случайный характер. Изучение ментальных установок, присущих данному типу социальности, превращает сознание в активный фактор исторического процесса, позволяет реконструировать максимально приближенное к действительности отношение, реакцию сельского сообщества на внешние вызовы, производные от объективных экономических процессов и государственной политики.

К числу парадоксов крестьянского сознания следует отнести и миф о грядущей прибавке земли. Так, согласно данным ВЭО, отрицательное отношение сельских сходов к аграрной реформе часто объяснялось «разочарованием». «Не получили прирезки», — писали крестьяне Пензенской губернии<sup>29</sup>.

Прослеживается и сохранение представления об исторической основе крестьянствования (пользование землей) как необходимого условия «службы» государству, сохранения лояльности власти, а, следовательно, указывается на угрозу подрыва традиционного политического идеала. Это подтверждает и высказывание крестьянина Наровчатского уезда Пензенской губернии: «У многих крестьян сложилось убеждение, что земля должна вознаграждать крестьян за воинскую повинность»<sup>30</sup>.

Большое влияние на проблему выхода крестьян из общины оказывала сила привычки к старому и боязнь нового, кроме того, достаточно отчетливо фиксируется распространение фанатичной

---

<sup>27</sup> Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 года (По анкете Вольного экономического общества): в 2 ч. Ч. 2. Пг., 1917. С. 37.

<sup>28</sup> Токавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. С. 182.

<sup>29</sup> Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 года... Ч. 2. С. 137.

<sup>30</sup> Там же. С. 37.

убежденности в возможной прирезке, наделении земель путем царских пожалований. Как писали пензенские крестьяне, указ 9 ноября 1906 г. на сходах «обсуждался и относились к таковому недоверчиво: мол, мало земли и ждали прирезки»; «мы все ждем, когда по воле правительства наступит для нас лучшее; нам нужна земля»; «прикупить не видят возможности, ждут от царя наделения землей»<sup>31</sup>. Массовые ожидания не находили подтверждения в мероприятиях правительственной политики, что порождало ощущение рассогласования наличного и потребного и вызванное этим чувство блокировки социальных надежд. Напомним основной лейтмотив массовых ожиданий крестьянства образца лета 1906 г.: «Многие мечтают о даровых “прирезках”, другие думают, что дадут через крестьянский банк землю... От Государственной Думы ожидают устройство общины к лучшему»<sup>32</sup>.

Тем самым, столыпинская аграрная реформа, как справедливо отмечал П. Н. Зырянов, не смогла поколебать клановый строй общинной деревни<sup>33</sup>. Это утверждение свидетельствует, прежде всего, о сохранении традиционного типа организации хозяйственной деятельности и повседневного уклада жизни в целом и соответствующего ему типа социальности (а, следовательно, «общинного архетипа»). Существование непосредственной зависимости хозяйственной устойчивости и материального благополучия семьи от демографических показателей свидетельствует о значении клановых традиций именно применительно к процессу возделывания земли и всему комплексу сельскохозяйственных работ. Следовательно, утверждение единоличной собственности на наделенную землю исключительно для главы семейства нередко подрывало основные принципы воспроизводства традиций семейного землепользования и чаще всего интерпретировалось как угроза витальности. Дополнительным основанием для этого являлось несовпадение общего количества выделяемой земли с составом семьи. Данный факт зафиксирован в 30 показаниях по результатам анкетирования крестьян Пензенской губернии, проведенного ВЭО (в то время как совпадение отмечалось лишь в 6 случаях)<sup>34</sup>.

<sup>31</sup> Чернышев И. В. Община после 9 ноября 1906 года... Ч. 2. С. 34, 41.

<sup>32</sup> Пензенские губернские ведомости. 1906. 18 июня. № 137.

<sup>33</sup> Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. С. 234.

<sup>34</sup> Чернышев И. В. Община после 9 ноября 1906 года... Ч. 2. С. 35.

Родственные кланы сохраняли неформальную структуру и носительную устойчивость к существованию, именно они выступали носителями «общинного архетипа», поддерживая тем самым и внутриобщинную солидарность. Принадлежность к тому или иному клану играла весьма важную роль в жизни сельской общины, при этом имущественное положение семьи не всегда было определяющим.

Еще одной причиной активного неприятия и сопротивления правительственным мероприятиям, главным образом, насаждению хуторов, как отмечает В.Г. Тюкавкин, выступала угроза ломки всего уклада жизни, образа жизни, менталитета, который складывался веками и носил ярко выраженный общинный, коллективный, общественный характер<sup>35</sup>. В частности, по данным ВЭО, преобладающей формой выходов из общины было черезполосное укрепление (160 показаний в Средневолжском регионе), меньше выходили на отруба (66 ответов) и еще меньше на хутора (18 ответов)<sup>36</sup>. Выделившиеся на хутора в социально-психологическом плане тяготели к прежнему месту жительства, скажем, в целях удовлетворения религиозных потребностей. Резкое изменение среды общения, обыденных повседневных социальных связей воспринималось как непривычное и вызывающее тревогу новшество. После переселения на хутор крестьян из села Рамзай Пензенского уезда миряне грозили не пускать выделенцев в церковь. Однако, несмотря на близость к хутору другого села, хуторяне чаще посещали храм в Рамзае: «Когда и в Мاستиновку. Бог везде один. В Рамзай больше... Тянет к родному-то...»<sup>37</sup>.

Главным образом, именно мотив тревоги, опосредованный различными факторами, порождал такой феномен, как движение за возвращение в общину. Так, 25 апреля 1909 г. на имя пензенского губернатора поступило прошение от 10 крестьян, укрепивших свои участки в личную собственность. Новые собственники заявили о своем желании вернуть свои участки в «общую площадь мирской земли» и о возвращении к традиционному типу землепользования: «на общинном праве, то есть ... по старине». Сельский сход специальным приговором принимает решение о повторном принятии

---

<sup>35</sup> Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. С. 180—181.

<sup>36</sup> Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 года... Ч. 2. С. 141.

<sup>37</sup> Новые крестьянские хозяйства в Пензенской губернии. Пенза, 1911. С. 108.

укрепленцев «в общину с теми же душевниками». Однако, как выяснилось, данный приговор противоречил действовавшему законодательству и был отклонен. Это послужило причиной обращения к губернатору. Согласно же «разъяснению» МВД от 30 июля 1908 г., возвращение в общину могло быть осуществлено лишь путем продажи обществу крепостным порядком укрепленной земли<sup>38</sup>. Сам факт существования подобного документа, по всей видимости, объяснялся появлением на первом этапе насаждения «новой» правительственной политики отнюдь неединичных фактов самовольного возвращения в общину.

Реформа воспринималась крестьянством как серьезная угроза сохранению привычного образа жизни, осознание этого способствовало росту социальной тревожности. Оценка реформы как вызова самому факту существования традиционного мироустройства присутствовала в крестьянских высказываниях предельно четко.

В частности, в селе Семилей Саранского уезда Пензенской губернии рост внутриобщинных противоречий, вызванный подачей рядом крестьян ходатайств об укреплении земли в личную собственность, стал проявляться с начала 1908 г. Враждебность по отношению к будущим выделенцам выражалась в угрозах запретить пасти скот на общественных лугах и даже удалить их из общества. В разговорах крестьян при обсуждении закона 9 ноября 1906 г. использовались традиционные доводы: «такой издает Антихрист», а кто «укрепляет землю в собственность, держит руку помещиков — исполняет закон антихристов»; «ты антихристово дело правишь — хочешь нас оставить без земли. Тебя из общества выгоним»<sup>39</sup>. Согласно с результатами дознания, проведенного силами полиции в июне 1908 г., многие крестьяне данного села «сочувствовали» подобным высказываниям.

Согласно справке Пензенского губернского жандармского управления, в Рахманской волости Керенского уезда «один из местных крестьян, известный в качестве противника укрепления наделов», угрожал волостному старшине и другим укрепившимся крестьянам смертью за то, что «они разстраивают общину». В данном случае в крестьянской интерпретации понятия «община» и «мир»

<sup>38</sup> Государственный архив Пензенской области (далее — ГАПО). Ф. 53. Оп. 1. Д. 1499. Л. 1—3.

<sup>39</sup> ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7853. Л. 547—550.

суть синонимы. В целом в отчетах жандармских офицеров констатация ситуации общего недовольства средневожской деревни законом 9 ноября 1906 г. уже в 1910 г. представляется очевидным фактом, не требующим пояснений<sup>40</sup>. В документах местных губернских жандармских управлений как тенденция, имеющая положительную динамику, был зафиксирован рост радикализации массовых социальных настроений: усиление враждебности, с одной стороны, и распространение панических настроений — с другой. Так, в деревне Самовольке Наровчатского уезда Пензенской губернии в сентябре 1910 г. несколько крестьян отказались от выдела на отрубные участки из-за угроз однообщественников («жечь, убивать тех, которые уйдут на отруба»)<sup>41</sup>. Аналогичная ситуация сложилась в селе Салтыкове Сердобского уезда Саратовской губернии, где крестьяне М. Семенов, А. Савин, Е. Филиппов, «открыто делая угрозы отрубщикам поджогами и убийством, создали панику в среде лиц, выселившихся на отруба, и нарушили их нормальную жизнь»<sup>42</sup>. Более того, в селе стали распространяться слухи о существовании якобы «правительственного» распоряжения «о выселении всех отрубщиков и хуторян на поселение в Сибирь с отдачею их имущества в пользу сельских общин». Для этой цели будто бы уже были «заготовлены специальные поезда». В целом будущее выделенцев рисовалось в довольно мрачных красках: «с собой отрубщикам разрешат взять багаж не более одного пуда на человека, а землю их и все остальное имущество отберут и передадут во владение сельских общин»<sup>43</sup>.

Революция 1917 г., похоронившая Российскую империю и пробудившая к жизни самые архаичные практики самоорганизации, незамедлительно была «прочитана» крестьянством и в контексте семиотики культуры оказалась самой что ни на есть благоприятной средой для проявления общинной солидарности.

---

<sup>40</sup> ГА РФ. Ф. 102. 4-е Д-во. 1910. Оп. 119. Д. 49. Ч. 7.

<sup>41</sup> ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7902. Л. 93.

<sup>42</sup> Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9167. Л. 6.

<sup>43</sup> ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9167. Л. 11 об.—15 об.